

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОЖИ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Дейнека О.С.¹

¹ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9), e-mail: odeineka@yahoo.com

С целью выявления психологических предпосылок политического экстремизма в среде студентов было предпринято эмпирическое исследование. Представители студенческой молодежи четырех стран пространства Евразийского союза – России, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана – приняли участие в исследовании (всего 654 чел.). Результаты исследования показали в основном негативные отношение к экстремизму (с небольшим процентом испытуемых, симпатизирующих экстремистам и экстремистским движениям и готовых принять их сторону в зависимости от ситуации). Студенты считают информационную экспансию посредством СМИ и Интернета самой значимой причиной возникновения экстремизма. И, напротив, в качестве фактора безопасности общества они рассматривают сохранение культурных традиций. Низкий экономический и глобальный оптимизм также является предпосылкой деструктивного поведения и гражданской нелояльности студентов. Выявлена взаимосвязь самооценки личной конкурентоспособности и аттитюдов к экстремизму. Студенты, которые ниже оценивали свое трудолюбие, ответственность и понимание собственных целей, а также проявляли готовность переступить моральные барьеры ради денег, в большей степени выражали склонность к экстремизму. Таким образом, исследование позволило выявить как социальные, так и личностные предпосылки предрасположенности к экстремизму. Результаты сравнительного анализа показали как общие, так и специфические характеристики отношения к экстремизму у студентов четырех стран.

Ключевые слова: студенческая молодежь, политический экстремизм, психологические предпосылки, отношение к политической системе, страны евразийской интеграции

PSYCHOLOGICAL PREREQUISITES OF POLITICAL EXTREMISM AMONG STUDENTS IN THE COUNTRIES OF EURASIAN UNION

Deyneka O.S.¹

¹Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb.7/9), e-mail: odeineka@yahoo.com

The identification of psychological prerequisites of political extremism among students was the purpose of the empirical research. The study was conducted among students in the four countries of the Eurasian Union - Russia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan (654 Ss). The results showed mostly negative attitude towards extremism (with a small percentage of subjects sympathetic to extremists and extremist movements and ready to take their side, depending on the situation). Students believe that the information expansion with elements of extremism (media and Internet) is the most significant cause of extremism taking. On the contrary, the preservation of cultural traditions they consider as a factor in the safety of society. High economic and global optimism is also a prerequisite for the prevention of extremism. The negative correlation between self-esteem of personal competitiveness and predisposition to extremism was discovered. Students who are below the rated their hard work, responsibility and understanding of their own goals, and showed a willingness to transcend the moral barriers for the sake of money, mostly expressed a tendency towards extremism. Thus, the study revealed both social and personal factors of predisposition to extremism. Comparative analysis showed both general and specific characteristics of the attitudes toward extremism among students of four countries.

Keywords: college students, political extremism, psychological prerequisites, attitudes toward political system, Eurasian integration

В развивающейся интеграции стран, объединенных перспективным проектом под названием Евразийский союз, который в настоящее время представлен в медиа прежде всего экономической координацией и культурным обменом, — важным направлением деятельности является обеспечение безопасности на территории евразийского пространства.

Очевидно, что молодежь, как перспективная, стратегическая часть человеческого капитала, требует особенно пристального внимания на фоне противоречий и угроз современного мира. Именно в молодежной среде «наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала» [3,с.21]. Студенческая молодежь представляет собой наиболее активную и часто радикально настроенную часть современного общества [2, 10, 13], которую легче вовлечь в такие деструктивные формы группового поведения как экстремизм и цветные революции.

Экстремизм – сложно детерминированная форма негативного социального поведения. По мнению некоторых авторов, экстремизм представляет собой радикальную форму общественных действий, и в большинстве своих проявлений предполагает использование насильственных методов достижения поставленных целей. Так, в определении экстремизма, которое дается «Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г., сделан акцент на насильственных методах деятельности. Оно дано следующим образом: «Экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [12, п. 3, ч. 1, ст. 1].

Политический экстремизм рассматривают как явление многофакторного характера, через политические структуры воздействующее на государство и общество во имя исполнения своих политических требований, которые на законных основаниях не могут быть выполнены при существующем государственном строе. Специфическими чертами политического экстремизма являются: наличие *политического конфликта*, в рамках которого общество организует оппозиционные движения, выступая за новую политическую идею или доктрину; применение в подавляющем большинстве случаев *нелегитимного насилия* для достижения поставленных целей; *воздействие на эмоциональную составляющую толпы* или массы с привнесением в общество или социальную группу *нетерпимости* в разных сферах общественной жизни [4].

Поиск исследователями разных групп факторов и предпосылок политического экстремизма объясняется сложностью и многоаспектностью этого феномена [4, 6, 11, 14, 15]. Выделяют геополитические и культурно-исторические, социально-экономические и психологические факторы политического экстремизма. В нашем исследовании акцент сделан

на выявлении психолого-политических [6] и личностных предпосылок отношения к экстремисткой деятельности и поступкам как привлекательным.

Цель настоящего исследования состояла в выявлении «слабых сигналов» предрасположенности студенческой молодежи к политическому экстремизму посредством изучения их отношения к экстремизму с учетом характеристик гражданского сознания и некоторых особенностей личности.

Исследованием были охвачены представители студенческой молодежи из четырех стран Евразийского союза (обследовались студенты, проживающие и обучающиеся в одной из перечисленных ниже стран). Всего 654 студента приняли участие в исследовании. Выборки студентов разных стран были сходны по возрасту и близки по половому составу: 1) 227 чел. из **России**, среди них 33% юношей и 67% девушек. Средний возраст испытуемых — 20,49 лет; 2) 147 чел. из **Кыргызстана**, среди них 48% юношей и 52% девушек. Возраст испытуемых — 20,86 лет; 3) 88 чел. из **Казахстана**, среди них 35% юношей и 65% девушек. Средний возраст испытуемых — 21,60 лет; 4) 192 чел. из **Беларуси**, среди них 40% юношей и 60% девушек. Средний возраст испытуемых — 21,60 лет.

Методический инструментарий исследования состоял из двух блоков методик.

Первый блок включал разработанные нами опросники «Психологические предпосылки экстремизма», который можно назвать базовой методикой и «Опросник гражданина», который хорошо зарекомендовал себя в исследовании студенческой молодежи в период кризиса [17], а также экспресс-методики отношения к экстремистам и экстремистским организациям А.С. Ивановой.

Базовый опросник был разработан нами как шкальный многофакторный опросник из 34-х утверждений, с которыми следовало выразить степень согласия/ несогласия по 7-ми балльной шкале (где «7» означает «полностью согласен», а «1» – «абсолютно не согласен»). Содержание опросника затрагивает следующие реалии: лояльность/нелояльность политической системе и руководству своей страны; оценку информационной свободы в СМИ как предпосылки политического экстремизма; отношение к экстремизму на национальной или религиозной почве; нормативность и законопослушность; проявления агрессии; проявления деструктивности; степень выраженности экстремисткой позиции на фоне военных действий в стране бывшего СНГ.

Второй блок включал методику оценки своей конкурентоспособности [12]; экспресс методики монетарных стратегий и девиаций А.Фенэма и К.Рубинштейн (см. [5]); шкалу удовлетворенности жизнью Э. Динера [17]. Дополнительные методики второго блока были ориентированы на проверку гипотезы о взаимосвязи представлений о своей личной

адаптации к социально-экономическим условиям и предрасположенности к политическому экстремизму.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к анализу общих и особенных проявлений потенциального экстремизма в среде студенческой молодежи четырех стран, обратимся к результатам конфирматорного факторного анализа данных опросника психологических предпосылок экстремизма как базового инструмента исследования. Факторная матрица данных представлена восьмью факторами, среди которых пять факторов имеют интерпретационный интерес, а два первых проиллюстрированы ниже по тексту таблицами.

В табл.1 приведены признаки первого фактора матрицы или «*фактора индивидуальных предпосылок экстремизма*» и их факторные нагрузки. В качестве признаков в первый фактор вошли проявления защитной агрессии и агрессивности, низкой нормативности и законопослушания, а также деформации в системе ценностей, которые не препятствуют действиям и поступкам, способным нанести вред своей стране ради денег, и девальвируют ценность человеческой жизни и воспитания человеколюбия.

Таблица 1

Фактор индивидуальных предпосылок экстремизма

Факторный вес 8,5				
Я смог(ла) бы применить насилие в ответ на оскорбление или унижение. (0,736)	Я с удовольствием смотрю различные побоища и драки. (0,666)	Я не осуждаю агрессию как реакцию на агрессию других (0,623)	Я не сторонник соблюдения законов, норм и правил (0,611)	Я не чувствую себя нужным стране (0,555)
Пол, юноши (0,576)	Ради заработка я соглашусь заниматься тем, что приносит вред стране (контрабанда, разглашение секретной информации и т.д.) (0,552)	В современных школах необходимо воспитание любви к людям (-0,476)	Жизнь человека – не самая главная ценность в этом мире (0,418)	

Примечание: в скобках приведены факторные нагрузки признаков.

Второй фактор или «*фактор принятия действующей власти и политической системы*» (табл.2) воплощает благополучие/неблагополучие отношений в системе «гражданин-власть», которая отражается в сознании молодых граждан на фоне напряженной

ситуации в глобальном политическом пространстве. Ядро фактора сформировали показатели степени согласия с утверждениями, касающимися принятия действующей власти и политической системы в своей стране, то есть показатели политической лояльности, которая в свою очередь является существенным фактором национальной безопасности.

Таблица 2

Фактор принятия действующей власти и политической системы

Факторный вес 4,6		
Существующая политическая система меня полностью устраивает (0,743)	Я абсолютно не согласен с действиями нашего руководства и считаю, что они ведут к упадку и разрушению страны (-0,718)	Я удовлетворен(а) мерами, принимаемыми для борьбы и профилактики проявлений экстремизма в нашем городе (0,477)
Стране подходит роль миротворца в международных конфликтах (0,469)		Стране не грозят путчи, перевороты и/или цветные революции (0,467)

Третий фактор матрицы или *«фактор осознания угроз национальной безопасности»* объединяет угрозы политической безопасности в стране, воплощает осознание хрупкости политической стабильности в условиях глобализации на фоне плутократии и прагматических интересов внешних и внутренних манипуляторов, которые могут усиливать алармизм.

Четвертый фактор или *«фактор вызова готовности жертвовать собой»* воплощает психологические предпосылки готовности/неготовности с оружием в руках бороться за национальные интересы в сочетании с экономической интолерантностью/толерантностью и ценностью человеческой жизни. Он достаточно убедительно иллюстрирует формулу экстремизма, предложенную Л.Б.Шнейдером [14], которая сочетает категоричность, трагичность и героизм. Симпатия к тем, кто отстаивает свои интересы с оружием в руках, сочетается в факторе с осуждением власти денег и последствий экономического расслоения, а также с принижением ценности жизни и наличием среднесрочных планов, что позволяет интерпретировать фактор как «слабые сигнала» готовности к героизму в борьбе за справедливость на уровне нации.

Пятый фактор или *«фактор радикализма»* включает в себя ориентацию на достижение целей любой ценой и, в частности, целей доказывать национальное превосходство. Он воплощает потенциальную деструктивность группового сознания и поведения, связанную не с национальной идентичностью как таковой, а с проявлениями национализма и одобрением радикальных действий.

Шестой фактор или *«фактор свободы слова»* связывает доверие контроля ситуации в странах с беспокойной обстановкой с международными организациями и мнение о том, что свобода слова не должна быть ничем ограничена.

Последние два фактора, а именно: *«фактор политической активности»* и *«фактор экономического благополучия»*, можно рассматривать как фоновые. Они отражают оценку студентами своей общественно-политической активности и материального благосостояния семьи, в которой живет студент. Оба фактора представлены как адекватные конструкты сознания молодежи, формируемые в процессе социализации. Фактор общественно-политической активности включает отражение своей нужности стране, в нем также преломляется ожидаемая молодым человеком симметрия отношений в системе «гражданин-государство», готовность приносить общественную пользу на фоне переживания своей востребованности. Фактор материального благополучия включает в качестве признака адекватный баланс «вклад/отдача», при котором усилия и способности отражаются как главные условия хорошего заработка. В адекватных конструктах экономического и политического сознания следует искать позитивную мотивационную альтернативу экстремизму.

Таким образом, структурный анализ данных базового опросника подтвердил сложность и многокомпонентность психологических предпосылок экстремизма и картины их отражения в сознании студенческой молодежи.

Анализ выраженности и содержания характеристик отношения к политическому экстремизму у современной молодежи России, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана показал в целом благоприятную картину слабо выраженных предпосылок экстремизма. Тем не менее, 5% испытуемых проявили симпатию к экстремистам и экстремистским движениям и готовность принять их сторону в зависимости от ситуации. Значительно больше обследованных, а именно 19% испытуемых указали на то, что хотя бы в чем-то поддерживают экстремистов, в то время как террористов не готов поддержать никто.

Общая картина данных, полученных с использованием первого блока методик, показала, что в качестве ведущей зоны нарушения безопасности гражданина [6] студенты выделяют зону информационной безопасности, которая является в их представлениях и основным компонентом национальной безопасности.

В ценностной структуре сознания испытуемых всей выборки из четырех групп выявлены (посредством факторного и корреляционного анализа) следующие сигналы-маркеры предрасположенности к экстремизму: гипертрофированная тяга к прогрессу в ущерб культурным традициям, слишком высокая значимость денег, низкая ценность человеческой жизни и сильная выраженность национального превосходства.

Сравнительный анализ данных, полученных в группах студентов четырех стран Евразийского союза, позволяет сделать обобщенный политико-психологический диагноз и выделить зону «слабых сигналов» предрасположенности к экстремизму. Наиболее проблемной с точки зрения такой предрасположенности оказалась группа представителей студенчества из Киргизии. В табл.3 приведены статически достоверные различия данных отношения к экстремистам у студентов России и Киргизии. Как видно из нее, среди студентов из Кыргызстана больше тех, кто симпатизирует экстремистам: статистически достоверно выше оказалась оценка таких людей как мужественных, искренних и борющихся за справедливость.

Таблица 3

Оценки экстремистов и экстремистских организаций в группах российских и киргизских респондентов

		Россия		Кыргызстан		p
№	Утверждения, характеризующие экстремистов (66,67,71), и относящиеся к экстремистским организациям (74-76)	М	σ	М	σ	
66.	Мужественные, искренние люди, борющиеся за справедливость	2,27	1,45	3,73	2,55	,000***
67.	Преступники, сознающие, что они делают	4,56	1,68	4,01	2,3	,030*
71.	Наемники, чьи хозяева остаются неизвестны	4,55	1,83	4,87	2,22	,027*
74.	Считаю для себя их лозунги и методы не приемлемыми	5,08	1,87	4,35	2,45	,034*
75.	Считаю, что с ними нужно бороться любыми методами	4,24	1,72	4,71	2,36	,010**
76.	Мне все равно	3,53	1,96	2,90	2,41	,000***

В табл.4 приведены достоверные различия данных опросника предпосылок экстремизма у студентов России и Кыргызстана. Результаты наглядно демонстрируют более высокую степень проявления радикализма и принятия риска, непринятия существующей политической системы и критических оценок своего правительства, экономической интолерантности, подчеркивания национального превосходства у студентов из Кыргызстана.

Таблица 4

Проявления предрасположенности к политическому экстремизму в группах респондентов России и Кыргызстана (фрагмент)

		Россия		Кыргызстан		p
№	Утверждение	M	σ	M	σ	
1.	Я считаю, что цель всегда оправдывает средства.	3,95	1,65	5,76	1,68	,000***
3.	Существующая политическая система меня полностью устраивает.	3,75	1,58	2,64	1,92	,000***
5.	Я считаю, что свобода слова не должна быть ограничена абсолютно ничем.	4,39	1,66	5,23	1,7	,000***
6.	Важно сохранять в обществе культурные традиции.	5,72	1,3	6,08	1,67	,000***
7.	Я чувствую себя нужным стране.	3,59	1,67	5,01	2,23	,000***
8.	Многие проблемы в нашем обществе существуют по вине людей, у которых слишком много денег.	3,86	1,73	4,82	2,05	,000***
9.	Любые идеи должны свободно распространяться в СМИ, даже если они кому-то кажутся экстремистскими или террористскими.	2,62	1,46	4,24	1,84	,000***
11.	Я ощущаю реальную угрозу благополучию нашей страны со стороны некоторых стран.	3,96	1,74	4,60	2,2	,001**
12.	Я готов (а) принять участие в каких-либо политических акциях и мероприятиях.	3,00	1,71	4,21	2,41	,000***
13.	Усилие, по моему мнению, главный фактор хорошего заработка.	5,17	1,51	5,93	1,77	,000***
14.	Я отношусь к иммигрантам без раздражения и напряжения.	4,40	1,79	5,29	2,13	,000***
16.	У меня есть четкие планы на 5 лет вперед.	3,26	1,87	5,11	2,18	,000***
23.	Я не боюсь рисковать ради новых впечатлений.	4,81	1,57	5,13	2,19	,004**
24.	Я сочувствую тем, кто готов с оружием отстаивать свои национальные интересы.	4,25	1,79	5,02	2,29	,000***
25.	Современное общество я считаю обществом психологического насилия.	4,03	1,63	4,74	2,02	,000***
26.	Я не сторонник соблюдения законов, норм и правил.	2,47	1,45	3,24	2,16	,009**
29.	В современных школах необходимо воспитание любви к людям.	5,71	1,56	6,13	1,7	,000***
30.	Национальное превосходство нужно доказывать любой ценой.	1,90	1,22	4,64	2,31	,000***

31.	Современной России подходит роль миротворца в международных конфликтах.	4,07	1,77	4,68	2,13	,002**
32.	Я думаю, что правительство уделяет недостаточно внимания проблемам экстремизма среди молодежи.	4,19	1,53	5,46	1,93	,000***

Примечание: ** - при $p < 0,01$; *** - при $p < 0,001$

В то же время у студентов из Кыргызстана в большей степени, чем у россиян, проявились такие демпфирующие предрасположенности к экстремизму характеристики как уважение культурных традиций, ценность человеколюбия, ощущение нужности стране и толерантность к мигрантам. При этом острота социально-экономическим проблем в республике остается мощным негативным фактором предрасположенности к экстремизму. Она нашла отражение в данных опросника гражданина. Студенты из Киргизии дали статистически достоверно более высокие оценки коррупции и экономического расслоения, бедности и безработицы, проблемы миграционных процессов, а также относительно низкий экономический оптимизм. Полученные нами результаты корреспондируют с материалами авторов, обеспокоенных расширением тенденций проявления и развития экстремистских настроений в среде молодежи Киргизии, в частности, с описанием особенностей развития современного общества в Кыргызстане как фона экономической социализации молодежи [8], а также с анализом первопричин проявления элементов экстремизма в среде студенческой молодежи страны [2]. В этой связи нельзя не согласиться с А.А.Никитиным, который подчеркивает, что экстремизм провоцируется или, по крайней мере, подпитывается нищетой, экономической депривацией, уровнем расслоения населения [9].

Сравнение результатов исследования в группах из четырех стран показали, что наиболее благополучные отношения в системе «гражданин-государство» проявились на момент исследования у студенческой молодежи из Беларуси (что предполагает отдельную публикацию).

Результаты анализа корреляций данных опросника гражданина и опросника психологических предпосылок экстремизма на общей выборке студентов показали, что чем благополучнее отношения в системе «гражданин-государство», тем меньше психолого-политических предпосылок для экстремизма. Следует отметить, что данные опросника гражданина подтвердили, что фактор коррупции и социального расслоения, а также обида за бедность и безработицу, разрушая чувство справедливости и уверенности в себе, способствуют предрасположенности к экстремизму. Для большинства обследованных студентов необходимым «фактором сопротивления» политическому экстремизму выступила экономическая составляющая ситуации в стране. Для молодых людей важно осознавать тенденцию положительного развития существующей экономической ситуации в стране.

Исследование убедительно показало, что те студенты, которые не видят перспектив экономического развития и усиления авторитета своей страны в глобальном мире, в большей степени склонны либо к экстремистским проявлениям, либо к эмиграции из страны.

На выборке российских студентов были проведены исследования с использованием второго блока методик с целью поиска личностных коррелятов предрасположенности к экстремизму. Благодаря корреляционному анализу удалось выявить взаимосвязь самооценки личностной конкурентоспособности и отношения к экстремизму. Так, чем выше молодой человек оценивает себя с точки зрения трудолюбия, ответственности, понимая собственных целей и других характеристик личной конкурентоспособности, тем слабее у него выраженность не только предрасположенности к экстремизму, но и оценки политических и социально-экономических предпосылок этого явления.

Если экстремизм определять как механизм уничтожения культуры в целом, «своего рода вид культурного и социального суицида» [1, с. 11], то экономический экстремизм можно рассматривать как уничтожение экономической культуры и разрушение основ бытия, как фактор духовной деградации людей вследствие сверхкоммерциализации их жизни. Результаты корреляционного анализа показали, что среди тех, кто проявляет готовность переступить моральные барьеры ради денег, больше и тех, кто готов нарушить закон ради денег вплоть до нанесения вреда стране. Также высоко значимые корреляции монетарных девиаций выявлены с такими предпосылками экстремизма как конфессиональная и этническая интолерантность, готовность любыми методами доказывать свое национальное превосходство и применять насилие в ответ на оскорбление, тяга к агрессивным зрелищам и обесценивание человеческой жизни. И, напротив, отрицательные корреляции с монетарными девиациями показали ценность культурных традиций и воспитания человеколюбия.

В заключение отметим, что исследование характеристик отношения к политическому экстремизму у современной молодежи России, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана показало в целом благоприятную картину слабо выраженных предпосылок экстремизма. В то же время оно позволило выделить группу студентов, которая находится в зоне риска деструктивного поведения на фоне низкого благополучия в экономической сфере и выраженного чувства национального превосходства. Обнаружились также некоторые личностные предпосылки предрасположенности к политическому экстремизму.

Выражаю благодарность студентам Айкумуш Абдылдаевой, Валентине Даукше, Владиславу Максимову, Константину Чудинову, участвующим в сборе эмпирического материала исследования.

Список литературы

1. Аксеновская Л.Н. Экстремизм: смысл и результат (ордерный аспект) // Экстремизм и средства массовой информации / Под ред. В.Е. Семенова. – СПб: Астерион, 2006, – С. 10 – 11.
2. Алымбеков К.А. Первопричины проявления элементов экстремизма в среде студенческой молодежи // Молодежный экстремизм: истоки, предупреждение, профилактика: материалы междун. научн.-практ. конф. (Москва, 23 – 24 мая 2014г.). – М.: МПСУ, 2014. Ч.2, – С. 144 – 145.
3. Воронов В.Н. Экономическая культура в контексте молодежного экстремизма // Молодежный экстремизм: истоки, предупреждение, профилактика: материалы междун. научн.-практ. конф. (Москва, 23 – 24 мая 2014г.). – М.: МПСУ, 2014. Ч.2, – С.21–24.
4. Гетц Р.Н. Политический экстремизм: позиции видения в современной научной литературе // Грамота. – 2011. –№ 4. – С.43 – 47.
5. Дейнека О.С. Духовность как фактор конкурентоспособности страны, организации и личности // Кризис духовности в медиапространстве: материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (кризис духовности в медиапространстве)» (Санкт-Петербург, 28 сентября 2011 г.) – СПб: СПбГУ, Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2012. – С.53-65.
6. Дейнека О.С., Забарин А.В. Психолого-политические основания группового деструктивного поведения // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6; URL: <http://www.science-education.ru/120-15837>.
7. Забарин А.В., Иванова А.С. Отношение к экстремизму студенческой молодежи: психолого-политическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета –2013. – №1. – С.121-129.
8. Исламова Н.Н. Формирование экономического поведения молодежи в период трансформации общества современного Кыргызстана // Молодежный экстремизм: истоки, предупреждение, профилактика: материалы междун. научн.-практ. конф. (Москва, 23 – 24 мая 2014г.). – М.: МПСУ – 2014. – Ч.1. – С. 293 –301.
9. Никитин А.А. Социальные корни молодежного экстремизма в современной России // Молодежный экстремизм: истоки, предупреждение, профилактика: материалы междун. научн.-практ. конф. (Москва, 23 – 24 мая 2014г.). – М.: МПСУ – 2014. – Ч.2, – с. 207–214.
10. Олесич Н. Я. Политико-психологические основания молодежного политического экстремизма: исторический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. – 2009. –№4. – С.183-187.

11. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Институт Психотерапии. 2002. – С.113-114.
12. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. <http://medialaw.asia/document/-2056>.
13. Шнейдер. Л.Б. Молодежный экстремизм: сущность, гендерная специфика, противодействие и профилактика. – М.: МПСУ, 2014. – 196 с.
14. Райзберг Б.А., А.А.Лысенко. Экстремизм: истоки проявления и способы противодействия: монография. – М.: МПСУ, 2015. – 94 с.
15. Юрчевский С.Д. Содержание и формы проявления политического экстремизма // Вопросы российского и международного права. – 2012. – №5. – С. 8-23.
16. Deyneka O. The representation of Belarusian State in common consciousness of students during the financial crisis. // International Psychological Applications Conference and Trends. Proceeding/Ed. By Clara Pracana (Porto, Portugal, 2014, 4-6 April) – Lisbon: W.I.A.R.S., 2014 – P.46-51.
17. Diener E., Diener M., Diener C. Factors predicting the subjective well-being of nations // Journal of Personality and Social Psychology – 1995. – 69 (5), – P. 851-864.

Рецензенты:

Куликов Л.В., д.псих.н., профессор, профессор кафедры социальной психологии СПбГУ, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», г.Санкт-Петербург;
Олесич Н.Я., д.и.н., профессор кафедры политической психологии СПбГУ, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», г.Санкт-Петербург.